

УДК 1. 16-167

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЗАДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Ростовцева М.В., Хохрина З.В., Машанов А.А.

ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, e-mail: office@sfu-kras.ru

В статье рассматривается феномен социальной дезадаптации личности, выявлены причины, затрудняющие его исследование как самостоятельного научного феномена, и описаны основные подходы к его исследованию. Дано социально-философское определение социальной дезадаптации как отношения человека и социальной среды, в основе которого лежит деятельность по разрешению между ними противоречий, которая не соответствует общественно приемлемым и законным способам, принятым в данной социальной среде, что приводит к временной или постоянной невозможности для индивида стать полноправным членом этой среды. Показано, что одним из основных критериев социальной дезадаптации является внутренняя и внешняя дистанцированность человека от общества, неспособность «вписаться», стать полноправным и полноценным членом данной социальной среды, напряжение, отчуждение или разрыв социальных связей и отношений.

Ключевые слова: социальная дезадаптация, дезадаптивное поведение, стратегии и тактики адаптации, системный подход, теория самоорганизации

SOCIAL EXCLUSION PERSON AS OBJECT PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Rostovtseva M.V., Khokhrina Z.V., Mashanov A.A.

Siberian Federal University, Moscow psychology-social University,
Krasnoyarsk, e-mail: office@sfu-kras.ru

The article deals with the phenomenon of social of the person, the causes, makes it difficult to study as an independent scientific phenomenon and describes the main approaches to its study. Given the socio-philosophical definition of social exclusion as human relations and social environment, which is based on the activities to resolve the contradictions between them, which does not meet the acceptable social and legal methods adopted in the social environment, which leads to temporary or permanent inability of the individual to become a full member of this medium. It is shown that one of the main criteria of social maladjustment is internal and external distanced from society, not the ability to «fit» to become a full-fledged and full-fledged member of the social environment, stress, alienation or disruption of social ties and relations.

Keywords: social exclusion, exclusion behavior, strategy and tactics of adaptation, system approach, theory of self-organization

Феномен социальной дезадаптации пользуется достаточной популярностью в социологической, психологической, педагогической отраслях знания, которые собственно и задают его различные смыслы, однако без глубоких научных обобщений и онтологической определенности. Во-первых, такой пониженный исследовательский «спрос» связан с тем, что изначально само понятие адаптации предполагает негативный оттенок, отрицательный смысл, трудность, столкновение, противоречие. «Адаптируется» – значит, преодолевает, решает, ищет выход. У многих понятие «адаптация» уже ассоциируется с болезненным состоянием или процессом, а потому априори многие говорят о дезадаптации лишь для того, чтобы экспрессивно подчеркнуть негативный смысл адаптационного процесса как такового. Подобный архетип в сознании ученых ограничивает движение мысли в рамках исследования социальной дезадаптации как самостоятельного объекта научного изучения, имеющего свои собственные феноменологические особенности. Чаще всего он просто противопоставляется

адаптации, а точнее, упоминается постфактум, достаточно коротко и фрагментарно как явление-результат некоторой активности индивида, которая не приводит к желаемому и не соответствует критериям успешной адаптации.

Другой немаловажный фактор, дистанцирующий четкую концептуализацию социальной дезадаптации, связан с ориентацией ученых «на исправление «отрицательного результата», диагностированного в ходе исследования адаптационного процесса. В этом отношении социальная дезадаптация интересна только как состояние, требующее конкретных действий по его изменению или коррекции. Иными словами она выступает в роли симптома, требующего устранения, а значит толчком и стимулом для проведения исследований, касающихся преимущественно детерминирующих факторов, тогда как ее сущность остается за пределами внимания ученых [1].

В-третьих, во многих научных работах, особенно психолого-педагогического плана, «социальная дезадаптация» используется в качестве специфического концепта

адаптационной парадигмы, суть которой проявляется в различных нарушениях деятельности – снижении ее эффективности, «дефиците» личностных ресурсов, ошибках и т.д. При этом на психологическом уровне состояние, возникающее при нарушении взаимодействия человека и среды, чаще всего определяется с помощью понятий стресса, фрустрации, конфликта. Сам же процесс психологической дезадаптации во многих исследованиях описывается с помощью механизма последовательной или хаотичной смены ведущих видов деятельности человека, влекущих за собой снижение ее результативности или/и возрастание стоимости затрат при решении последующих задач [2].

И, наконец, четвертый фактор слабой научной разработанности феномена социальной дезадаптации, особенно в социальной философии, напрямую связан и даже обобщает и детерминирует остальные – сам факт низкой адаптированности нередко остается неосознанным на социальном уровне. На сегодняшний день под социальной дезадаптацией понимается любой вид патологии, связанной с выходом за границы гомеостаза. Эта тенденция вполне объяснима тем, что современный чрезвычайно сложный и многообразный мир социальных отношений с многочисленными вспышками разнообразнейших конфликтов невозможно оценить, понять и осмыслить ни в привычных категориях диалектики, ни в моделях функциональной социологии, ни с помощью теорий интерпретативного анализа. Локальные и индивидуальные случаи представляются еще более труднообъяснимыми, и поэтому социальная дезадаптация является весьма удобным универсальным инструментом для интерпретации любых неадекватных паттернов поведения человека [2].

Анализ и систематизация единичных исследований позволили выделить некоторые общие особенности социальной дезадаптации, которые могут служить методологической опорой для дальнейших исследований.

Первая особенность определяет масштабность направлений исследования данного процесса. Как и социальная адаптация, социальная дезадаптация может осмысливаться на двух уровнях организации жизнедеятельности человека и общества: макро- и микроуровне.

Анализ социальной дезадаптации в глобальном масштабе обусловлен не только современной социокультурной реальностью, характеризующейся высокой степенью сложности и неизвестности, он актуален

во все времена. Это связано с непрерывной объективной изменчивостью, которая соизмеряется не только со временем общественного цикла развития, но и даже с его относительно «спокойными» отдельными периодами, событиями. Считается, что в силу инертности моделей социализации, складывающихся в каких-либо исторических обстоятельствах, внезапные или постоянные изменения являются причиной массовой дезадаптации людей, общественных групп. В этом контексте излюбленным примером отечественных адаптологов является демонстрация результатов теоретических и практических исследований рубежа 90-х годов XX в., когда произошла резкая ломка привычных стереотипов коммунистической идеологии, а большинство граждан России оказались не готовы к новым обстоятельствам жизни ни идейно, ни деятельно. Тот же самый акцент звучит в исследованиях, посвященных изучению специфики новой информационной эры. Еще не успели окончательно исчезнуть трудности, связанные с преодолением классических моделей и форм поведения советской эпохи, а россияне, без возможности получить короткую передышку от ощущения «свободы», уже вынуждены адаптироваться к новому множеству разнообразных чрезвычайно подвижных социально-информационных факторов.

Однако еще раз повторимся, что и в относительно благоприятные для общества в целом перемены (например, экономический подъем) многие люди испытывают значительный дефицит адаптационных ресурсов, что проявляется в напряжении межличностных отношений, дезориентации и дезорганизации и на групповом, и на индивидуальном уровнях [4].

Массовые беспорядки, депривация, эксклюзия, бедность, преступности и другие формы проявления дезадаптивных социальных процессов существовали и существуют во все времена. Данное обстоятельство свидетельствует о двоякости, многоликости и многофункциональности проявлений и характера социальной дезадаптации.

Микроанализ социальной дезадаптации позволяет выделить несколько особенностей в определении этого понятия. Как и социальная адаптация, социальная дезадаптация характеризуется многогранностью своих проявлений, порождающих множество ее определений. Однако можно синтезировать основные трактовки и выделить несколько общих аспектов.

Во-первых, социальная дезадаптация как объект многочисленных исследований принимает как минимум две формы

интерпретации: как результат адаптационного цикла и как относительно самостоятельный процесс.

Как результат адаптационного процесса социальная дезадаптация имеет множество своих проявлений и критериев оценки в зависимости от цели, условий протекания адаптации, ее особенностей. Во многих случаях успешность или неуспешность адаптационного процесса определяется требованиями конкретной социальной среды, при этом возможна ситуация, когда сам человек субъективно удовлетворен своей адаптивной деятельностью, тогда как со стороны социальной среды она оценивается как неэффективная, неуспешная, дезадаптационная и наоборот. Поэтому проблема поиска объективных критериев и социальной адаптации, и социальной дезадаптации – это не столько теоретико-академическая задача, сколько прикладная, требующая осмысления в конкретной адаптивной ситуации.

В этом аспекте социальная дезадаптация как результат общего адаптационного цикла может диагностироваться как нарушение адаптированности, как деструкция или определенная внутренняя деформация, для которой характерны различные уровневые нарушения в поведенческой, эмоциональной и когнитивной сфере индивида. Здесь одним из основных факторов являются различные изменения стабильного существования субъектов, и чаще всего социальная дезадаптация – это отрицательный результат определенных субъективно или объективно меняющихся обстоятельств, которые индивид «внутренне» не принимает, не хочет или не может принять, хотя до этих изменений он мог быть относительно адаптивен. В результате наблюдаются внутренняя дезорганизация, психоэмоциональное напряжение, деформированность «Эго», атрофия ценностей и иные личностные патологии [5].

Чаще всего на старте адаптационного цикла индивид ощущает свою готовность и способность побороть возможные трудности. Неудачи возможны из-за неадекватной, не соответствующей реальности оценки текущей ситуации, выбора неверной стратегии и тактики адаптации, отсутствия необходимых адаптационных ресурсов или их недостаточной развитости для того, чтобы справиться с возникшей проблемной ситуацией (то, что в психологической литературе обозначают как личностную ригидность, неспособность «перестроиться», интеллектуальную «косность»). Примером могут служить лица пожилого возраста, болезненно переживающие собственную невостребованность, к которой добавля-

ются проблемы радикальной трансформации социальных условий; мигранты и лица, добровольно или вынужденно попавшие из одной социокультурной среды в другую; люди, оказавшиеся в стрессовой или любой другой травматической ситуации; школьники и студенты и многие другие, чаще всего социально незащищенные категории граждан.

Социальная дезадаптация как самостоятельный процесс, как правило, протекает как болезнь, поэтому прерогатива анализа этого аспекта принадлежит психолого-психиатрическим отраслям знания. При этом социальная дезадаптация может иметь разную степень «глубины» поражения субъекта: от латентного уровня проявления признаков до закрепившихся устойчивых форм неадекватного поведения (например, его девиантные и делинквентные формы).

В любом из этих случаев основным симптомом социальной дезадаптации, по нашему мнению, будет являться внутренняя и внешняя дистанцированность человека от общества, неспособность «вписаться», стать полноправным и полноценным членом данной социальной среды, напряжение, отчуждение или разрыв социальных связей и отношений.

Второй аспект исследований социальной дезадаптации связан с ее пониманием как момента творчества и реализации инновационных изменений субъектов. Здесь социальная дезадаптация может выступать в двух ипостасях. Во-первых, как характеристика креативных способностей, самобытных особенностей, непохожести индивида на других. Чаще всего это трагедия «маленьких» людей, замкнутых меланхоликов, тихих личностей, погруженных в свой собственный внутренний мир, ограждающий их от мира внешнего, так не похожего на их собственный. Их удел – притвориться или отгородиться, интуитивно подстроиться или обособиться. В любом случае в своем социальном окружении они слышат «странными», «сумасшедшими», «отрешенными». При этом мир частной личности и мир социальной среды не просто отделены друг от друга, они враждебны.

Такие люди могут всю жизнь жить в своем «футляре», так и не достигнув согласия и гармонии с социальной средой, и бесследно исчезнуть, закончив свой путь отшельниками. Однако слава может прийти к ним посмертно, когда общество, будто опомнившись и оценив по заслугам, признав результаты их деятельности «прорывами» в науке и открытиями, возвысит их до звания гения или героя.

Другой аспект, связанный с пониманием дезадаптации как отражения креативности личности, несколько расширяет границы традиционной методологии, используя теорию изменений и законы самоорганизации развивающейся материи. Здесь акцент делается на том, что социальная система приспосабливается не только и не столько к постоянно меняющимся объективным обстоятельствам среды, сколько к собственным внутренним растущим возможностям и последствиям человеческой деятельности. При таком акценте, базирующемся на синергетической парадигме устойчивого неравновесия, в сферу внимания исследователя попадают наиболее многочисленные в наше время антропогенные кризисы. Речь идет о том, что благодаря сознательной целеполагающей активной преобразующей деятельности, направленной на освоение новых слоев бытия, человек может изменять уже существующие, социально заданные программы адаптации. Социальная адаптация субъекта может предполагать настолько высокий уровень этой активности, что может привести к пересмотру и перестройке уже заданных и сформированных наборов «программ» действия в ситуациях, требующих актуализации адаптационных ресурсов. Люди, в отличие от животных, обладают способностью к программированию и перепрограммированию своих собственных оснований, и эти возможности беспредельны. При этом человек выступает не просто исполнителем (в рамках заданных обществом пределов адаптации), хотя и активным и находящим новые оригинальные решения проблемных ситуаций, а создателем, революционером, новатором, творцом принципиально нового [7].

Вся история человеческого общества, развитие материальной и духовной культуры представляет собой процесс развертывания и реализации деятельностно-творческого отношения человека к окружающему миру, которое выражается в открытии и построении новых программ деятельности. Согласно теории самоорганизации развивающихся систем – это те самые точки бифуркации, вызывающие бурный общественный резонанс и расшатывание традиционных основ общественной системы. В общественной жизни наиболее ярким примером этому служат социальные революции, с которыми связано переустройство традиционного уклада жизни людей в политической, экономической, идеологической сферах. В искусстве – это создание новых видов, стилей, направлений. В науке – это разработка новых научных

парадигм, новых картин мира и связанных с ними новых критериев и норм научного знания [8].

Будет ли такой человек (или группа людей), стремящийся порвать с устоявшимися стереотипами, традициями и любыми давлениями социальной среды с помощью активной целеполагающей деятельности, адаптивен в такой среде? По оценке со стороны этой среды, – безусловно, он социально дезадаптирован. Однако осмысление обществом его открытий будет проходить универсальный во все времена оценочный цикл, от самого начального витка – «этого не может быть никогда, потому что не может быть в принципе», через «возможно, в этом что-то есть» и до «только так и может быть». На этой последней стадии общественный вердикт «социально дезадаптирован», кардинально трансформируется на прямо противоположный, а сами позиции изначально противоборствующих субъектов поменяются местами. Тот, кто был в оппозиции, окажется «наверху», а все, кто не принимает установившиеся правила, – будут признаны отсталыми консерваторами и ретроgrадами, не способными приспособиться к новым веяниям эпохи. Новое самоорганизующееся общество, таким образом, как бы отвергает тех, кто не смог или не захотел принять новые реалии. Такова диалектика общественного развития, диалектика социальной дезадаптации, и описанные процессы характерны не только для всего общества в целом, но и для отдельных социальных систем и групп людей – семьи, профессиональных коллективов, где также имеют место быть «революции» и «дворцовые перевороты» [9].

С точки зрения системного подхода подобные процессы можно объяснить следующим образом.

Сохранение обществом (как социальной системы) высокой адаптивной способности, обеспечение его целостности может осуществляться на двух уровнях: индивидуальном и общественном. С одной стороны, каждый человек, включенный в социально-деятельную систему, независимо от того, основной или неосновной деятельностью он занимается, должен иметь представление о целесообразности существующего устройства общества и распределения ролей в нем. Это достигается преимущественно за счет интеллектуальной деятельности. Общество, со своей стороны, вырабатывает свое самосознание при помощи идеологий, которые истолковывают его как единую систему взаимодействия людей, единое общество, определяют цели этого общества и т.д.

В историческом бытии человечества, в процессе совместной деятельности человек и общество оказывают взаимное влияние друг на друга. В результате данное общество становится системой, целостностью с качествами, которых нет ни в одном из включенных в нее элементов в отдельности [10]. Социальная жизнь предстает как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных социальных отношений, а социальная структура, выступая как единство совокупности элементов, управляется своими законами и закономерностями. Существование, функционирование и изменение структуры определяются не только законом, стоящим как бы «вне ее», сколько саморегуляцией, поддерживающей в определенных условиях равновесие элементов внутри структуры.

С течением времени появляются новые свойства у окружающей среды, следовательно, изменяются и сами общества (их внутренняя структура), обнаруживаются новые эффекты феномена организованности и самоорганизации общества [1]. В процессе приспособления общества к природной и иной социальной реальности возникают противоречия внешнего характера. При этом очень важна степень открытости социальных систем – стремление активно перенимать опыт других систем (открытое общество) или, напротив, стремление самозамкаться, отгораживаясь от внешних влияний (закрытое общество) [5]. Источником внутренних противоречий является, прежде всего, человеческий фактор, что может приводить к качественным изменениям всей системы общественных отношений, что уже описывалось. Согласно теории самоорганизации систем, любые эмерджентные отклонения от принятых в обществе правил и норм побуждают систему находить новые средства для поддержания равновесия и стабильности внутри нее. Это осуществляется на основе принципа прямой и обратной связи.

Человек, с точки зрения взаимодействия с окружающей средой, также является открытой системой, для которой адаптационная деятельность является структурообразующей. Для физического существования человеку необходима адаптация к внешней среде, обеспечение защиты от ее неблагоприятных воздействий. С другой стороны, он вызывает нарушения относительно стабильного функционирования общества, стремясь адаптировать социальную среду под свои потребности и цели. На основе принципа обратной связи социум будет реагировать на «возмущающую, дезадаптивную активность» личности, создавая раз-

личные механизмы ее оптимизации. То есть между личностью и социальной средой будет формироваться специфическое отношение, разрешающее противоречие между ними и направленное на восстановление стабильности внутри всей общественной системы. В научной работе, предшествующей данной, это отношение было названо автором адаптивностью [6].

Третий аспект в понимании социальной дезадаптации тесно связан с предыдущим, поскольку связывает социальную дезадаптацию с развитием личности. Этот аспект активно разрабатывался В.А. Петровским в 1992–1996 гг. и воплотился в его теории развивающейся личности [3].

Автор говорит не о социальной дезадаптации, а о неадаптивности личности, которая определяется ученым как состояние активности; характеристика тенденции соответствия или несоответствия между целями и достигаемыми результатами активности человека. Адаптивность выражается в согласовании, а неадаптивность – в расхождении целей и результатов деятельности. Неадаптивность, согласно ученому, может указывать на противоречивые отношения между намерениями человека и его действиями, замыслом и воплощением, побуждением к действию и его итогами.

Это противоречие неизбежно и неустранимо («жить значит умирать», «познание есть продвижение к знанию о своем незнании», «мы несем ответственность за тех, кого приручили», «мысль изреченная есть ложь» и т.п.). Вследствие этого неизбежен и неустраним источник движения человеческой жизни, витальных отношений человека с миром, предметной деятельности, общения, саморефлексии.

По сути, автор говорит о диалектике развития человека и о том, как рефлексия проблемной ситуации и саморефлексия стимулируют дополнительную активность индивида в направлении решения той или иной задачи. Автор называет такую активность надситуативной активностью, обусловленной специфической привлекательностью для субъекта действий с непредрежденным исходом. Хотя ученый прямо не говорит об этом, но, безусловно, здесь превалирует психологический аспект, поскольку предметом влечения субъекта становится граница между противоположными исходами действия, сама возможность взаимоисключающих исходов. Влечение к этой границе входит в состав сложных форм мотивации поведения: в сфере познания (здесь притягательна граница между известным и неизведанным), творчества (граница между возможным и невозмож-

ным), риска (граница между благополучием и угрозой существованию), игры (граница между воображаемым и реальным), доверительных контактов между людьми (граница между открытостью другим людям и защищенностью от них) и т.п.

В.А. Петровский отмечает, что теоретически могут быть выделены два случая несовпадения цели и результата активности. В первом случае человек достигает меньшего, чем хотел (т.е. цель не достигнута), и тогда действие продолжается в заданном направлении. Во втором случае человек достигает большего, чем то, к чему стремился (результат превосходит цель), и тогда противоречие стимулирует активность, избыточную по отношению к задаче. Действие распространяется на анализ проблемной ситуации в целом (возникает вопрос «Что представляет собой этот класс задач?»), пробуждается саморефлексия («Что я могу?», «На что я способен?»), рождается стремление сделать найденное решение достоянием других людей («Смотрите! Вот что здесь есть!»). Однако автором не рассматривается ситуация, при которой человек достигает цели, то есть, когда его изначальные намерения совпадают с полученными в результате деятельности, направленной на разрешение проблемы, итогами. Противоречия нет (хотя нельзя исключить вариант, при котором индивид может не удовлетворять способы, какими был достигнут нужный результат), но это не значит, что будет отсутствовать мотивация к разнообразной поисковой активности в отношении продолжения деятельности в данном или каком-либо другом направлении («Раз я могу сделать это, значит, могу добиться чего-то еще»). Но даже если субъект в процессе решения задачи встречает трудности, то не всегда обусловленный ими непредреженный исход ситуации будет мотивировать на поиск интеллектуальных, мотивационных, деятельностных резервов для продолжения своей деятельности в заданном направлении, иными словами, отрицательный результат не всегда ситуационно привлекателен для субъекта. В этом случае он выбирает пассивные дезадаптивные стратегии выхода из ситуации (конформизм, делегирование принятия решения и ответственности на других, «отрицание» как вид психологической защиты и т.п.) [3].

Следует отметить, что, несмотря на принципиальную обратимость, социальная дезадаптированность нередко может принимать затяжную форму, влияющую на весь образ жизни субъекта, а также приводить к деструктивности, отклоняющемуся

преступному поведению в массовых масштабах. На основе проведенного анализа нами было сформулировано определение социальной дезадаптации.

Социальная дезадаптация – это отношение человека и социальной среды, в основе которого лежит деятельность (бездеятельность) по разрешению между ними противоречий, которая не соответствует общественно приемлемым и законным способам, принятым в данной социальной среде, что приводит к временной или постоянной невозможности для индивида стать полноправным членом этой среды.

При этом, процессы социальной адаптации и дезадаптации представляют собой не диалектическое единство, а два принципиально различных, полярных варианта жизненных траекторий личности. Первый путь соответствует объективно благоприятному ходу жизни и объективно эффективной временной организации активности личности, когда в силу благоприятного соотношения потребностей, способностей, характера, мотивационных установок, механизмов саморегуляции и т.п. возникает внутренне пропорциональный и пропорциональный внешним условиям способ существования. Подобная сбалансированность внутренних движущих сил и объективных требований социальной среды обеспечивает относительно равномерную и устойчивую циклическое, поступательное развитие на основе стремления преодолевать возникающие трудности и противоречия.

Таким образом, процесс социальной дезадаптации характеризуется отсутствием принципов гармонизации и пропорциональности в развитии человека, обусловленный тем, что внутренняя движущая активность личности не соответствует или способностям, внутренним ресурсам человека, или требованиям социальной среды. Человек с подобным вариантом жизнедеятельности выбирает пассивные стратегии совладения с трудной жизненной ситуацией либо предпочитает «уход» от проблем в связи с низкой мотивацией к самореализации, высоким уровнем притязаний, страхом неудачи и т.п., что влечет за собой диспропорциональность, придающую поведению и жизненным проявлениям личности стихийный характер. При социальной дезадаптации неизбежно противоречивое отношение человека с социальной средой, но, в отличие от вышеописанных противоречий, такие противоречия деструктивны и приводят к необратимому регрессу даже при наличии высоких личностных способностей.

Список литературы

1. Реан, А.А. К проблеме социальной адаптации личности // Вестник СПб.ГУ, сер.6. – 1995. – Вып. 3. – № 20. – С. 47–59 с.
2. Психология развивающейся личности / под ред. А.В. Петровского. – М.: Педагогика, 1987. – 240 с.
3. Петровский В.А. Психология неадаптированной активности. – М.: Горбунок, 1992. – 213 с.
4. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 289 с.
5. Мельникова, Н.Н. Проблема изучения адаптивных свойств личности // Психическая и социально-психологическая адаптация: проблемы теории и практики: материалы конференции. – Челябинск, 2005. – С. 15–22.
6. Ростовцева, М.В. Адаптивность как отношение личности и общества: социально-философский аспект / дис. ... канд. фил. наук. – Красноярск, 2010. – 181 с.
7. Ростовцева, М.В., Машанов А.А., Хохрина З.В. Феномен социальной адаптивности в процессе социализации личности: монография. – Красноярск, 2012. – 139 с.
8. Ростовцева, М.В., Машанов, А.А., Хохрина З.В. Темпоральный подход к исследованию адаптивного цикла студентов вуза: теоретический аспект // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 4 (часть 4), 2013. – С. 1015–1019.
9. Ростовцева, М.В., Машанов, А.А., Хохрина З.В. Социально-философские проблемы социализации личности в условиях информатизации российского общества // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 6–5. – С. 1282–1286.
10. Ростовцева М.В., Машанов А.А. Естественно-научные, психологические и философские аспекты адаптации человека // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2013. – № 6. – С. 247–254.

References

1. Rean A.A. On the problem of social adaptation of the person // Herald SPb.GU, ser.6. 1995 No.3. no. 20. pp. 47–59 p.
2. Psychology developing personality / Ed. A.V. Petrovsky. M.: Pedagogy, 1987 240 p.

3. Peter V.A. Psychology unadapted Activity. M.: Horse, 1992 213 p.

4. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Psychosocial diagnosis of personality development and small groups. M.: the Institute of Psychotherapy, 2002. 289 p.

5. Melnikova N.N. The problem of studying the adaptive properties of the // Proceedings of the conference. Mental and psychosocial adaptation: theory and practice. Chelyabinsk. 2005 pp. 15–22

6. Rostovtseva M.V. Adaptability as the ratio of the individual and society: socio-philosophical aspect / diss.kand. fil. nauk Krasnoyarsk, 2010 181 p.

7. Rostovtseva, M.V., Mashanov A.A., Khokhrina Z.V. The phenomenon of social adaptability in the process of socialization: Monograph Krasnoyarsk, M of Education and Science of the Russian Federation, Siberian Federal University, Moscow psycho-social Univ. Krasnoyarsk, 2012. 139 p.

8. Rostovtseva, M.V., Mashanov, A.A., Khokhrina Z.V. Temporal approach to the study of the adaptive cycle of university students: theoretical aspect // Fundamental research. 2013. no. 4 (of 4), 2013 pp. 1015–1019.

9. Rostovtseva, M.V., Mashanov, A.A., Khokhrin Z.V. Social and philosophical problems of socialization in the information society of the Russian // Fundamental research. 2013. no. 6–5. pp. 1282–1286.

10. Rostovtseva M.V. Mashanov A.A. Natural-scientific, psychological and philosophical aspects of human adaptation // Herald Krasnoyarsk State Agricultural University, 2013. no. 6. pp. 247–254.

Рецензенты:

Кудашов В.И., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск;

Круглова И.Н., д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой философии, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск.

Работа поступила в редакцию 23.09.2014.